ВЫКУП

Торопись жить,
пока еще к жизни годен.
Время,
не умеет ходить –
это мы проходим.

Василий Попов

У подъезда многоэтажного дома стоял мужчина средних лет и, запрокинув ногу на скамью, тяжело дышал. Влажная от пота рубаха, застегнутая на нижнею пуговицу, прилипала к волосатому телу. Из-под кепки торчали сырые волосы. Мужчину звали Вадим Буряков. Проживал он в этом доме на четвертом этаже. Неделю тому назад схоронил отца и теперь избавлялся, как ему казалось, от ненужного хлама. Дряхлый разобранный шкаф, старый ковер, пальто, поеденное молью, лампу, радиоприемник и маленький письменный стол, за которым давно никто не сидел, уже снес к мусорным контейнерам. Теперь пытался избавиться от книг, которых в комнате покойного отца было неимоверное количество. Папаша любил провести свободное время за книгой. И часто твердил, что без чтения жизнь его потеряет всякий интерес. После ухода старика книги в глазах сына не приобрели такой важной ценности и утратили всякий смысл. Вынося последнюю охапку, Вадим бросил стопу у скамьи и, смахнув пот, закурил. Оставалось всю эту макулатуру снести к мусорным бочкам. И баста!

– Вот же, зараза, – выцедил он. – Накопил за семьдесят лет барахла. Старый дурень… Теперь мучайся.

Пнув ботинком книги, Буряков присел на скамью и сделал глубокую затяжку. Пока Вадим собирался с мыслью, как бы всю эту кипу поскорее убрать с глаз долой и не надорваться, подошел сосед, Аркадий Носик. Небольшого роста, сморщенный, худой. Для своих пожилых лет

был весьма подвижный и легкий на ногу. Заприметив у самого подъезда гору книг, Носик, поправив очки, остановился.

– Ну!.. Чего тебе здесь? Медом намазано? – пробубнил Вадим. – Ступай, куда шел. Не елозь перед глазами. И так тошно.

Сосед в недоумении почесал затылок.

– Неужели избавиться решил?

– А если и так. Тебе до этого какое дело? – сказал Буряков. – Захочу и вовсе сожгу. Имею право.

Аркадий перевел недоумевающий взгляд на книги. Перед ним лежали полное собрание сочинений Пушкина, Гоголя, Есенина, Достоевского, Тургенева, Куприна, Горького, Чехова… Виднелись на обложках книг имена Абрамова, Белова, Распутина, Шуртакова, Тимонина, Рыжакова… Неужели все это может уйти на свалку? От обиды Носик прикрыл глаза и тихо произнес:

– Такое богатство дураку досталось, а он его, грешный, с грязью смешать желает. Это же… Это… Такому и родину продать – раз плюнуть.

– Но-но-но, старый! – опешил Вадим. – Я ведь не посмотрю, что седой и кашляешь. Враз угомоню… Пшел отседова.

Носик с обидой и горечью уставился на соседа. Какая-то неприязнь, даже злоба виднелись сейчас в его глазах. Он провел ладонью по сухим губам и, еще раз посмотрев на книги, сказал:

– Значит, так. Мы поступим иным образом. Если книги не нужны – я их забираю… Не соизволите помочь отнести их в мою квартиру? – Но, заприметив недоброе лицо собеседника, Аркадий поперхнулся. – Хотя… Не извольте беспокоиться. Я и сам со всем справлюсь. Спасибо.

Склонившись, Носик принялся разбирать книги. Недоумевающий Буряков следил за каждым его движением и, прищурив глаза, молчал. Неприязнь к этому маленькому человеку поднялась в душе с особой силой и не давала покоя. Ощущение, будто в ясную погоду вывели прогуляться в сапогах и с зонтом на потеху людям. И хотя книги Вадиму были не нужны, все-таки слова о том, что он такой-сякой мерзавец и родину продаст, не моргнув глазом, обидели сильно. Да и с самим Аркадием Носиком судьба не раз сталкивала лбами. Когда Вадим напивался и шумел, то в подъезде, то во дворе, добродушный сосед не брезговал вызвать для поддержания тишины наряд полиции. Это Буряков помнил прекрасно.

– Руки! – крикнул Вадим. Такого поворота Носик не ожидал и потому с испугу попятился назад. – Так вот ты, оказывается, какой! Стоит зазеваться, как ты уже чужое добро присвоить готов. Лихо, ничего не скажешь… С тобой, папаша, держать ухо востро нужно.

– Да чтобы я!.. Чужое?.. Да никогда в жизни, – опешил Носик.

– Знаем-знаем. Все мы чистенькие и пушистые, пока за хвост не поймают, – рассмеялся Буряков. Растерянный вид соседа его сейчас особо радовал. – Так и живем. Да?

Аркадий захлопал глазами. После продолжительного молчания (признаться, слова Вадима и впрямь ошарашили) спросил:

– Разве тебе они нужны?

– Не твое дело. Порву каждую книженцию на твоих глазах на сто маленьких кусочков, и ничего ты мне не скажешь. Мое право. Можешь полицию на меня вызвать, скорую или пожарных… Это ты умеешь. Знаю. Проходили. – Буряков с неприятной ухмылкой посмотрел на соседа. – Лучше ими печь на даче топить буду, чем такая пигалица, как ты, заполучит мое добро… Ступай, куда шел. Ничего тебе здесь не светит.

Аркадий догадался, по какой причине тот пытается отомстить ему таким вот низким способом. Не раз случалось делать замечание, когда Вадим во дворе бранился матом при детях, мусорил и пакостил в подъезде. А на пьяные его дебоши, и того хуже, приходилось звонить в полицию. Телом он крепкий, душа горячая, кулак тяжелый. Разве с таким справишься или что объяснишь? Когда в пьяном безумстве человек творит неведомое, лучше всего отвести от греха и людей, и его самого… Нет. Книги он ему не отдаст. Лучше и впрямь сожжет из принципа, чем отдаст такому, как он. Так все и будет. Не дрогнет рука посягнуть на святое, на чистое, светлое, на… Аркадий прикрыл глаза. Нет. У этого не дрогнет.

– Тогда продай, – попросил Носик.

Буряков расплылся в улыбке. Этого он никак не ожидал.

– Вот это другое дело, – потер он руки. – А то халявы захотел!.. Халява, она ведь, милый мой, и укусить, и лягнуть может. А так заплатил и спи спокойно. Правильно?.. И тебе хорошо, и мне не обидно.

– Сколько попросишь?

Вадим хлопнул себя по бедрам и радостный от того, что держит надоедливого соседа в кулаке, поднялся на ноги.

– Грабить не стану. Так и быть. Миллиона у тебя все равно нет. Хех. Отдам почти даром. Полсотни за книгу. Но, чур, забираешь все. Годится?

– Договорились, – согласился Аркадий.

– Вот и славно, – и Буряков, запрокинув голову ввысь, крикнул: – Зинка!.. Ау! Чтоб тебя. Зинка!

В окне дома показалась женщина годов тридцати.

– Ну, чего разорался? Весь дом на уши поднял. Пожарю тебе котлеты. Угомонись только.

– Это все потом, детка! Потом. И водочки мне нальешь, и котлет нажаришь. А сейчас неси калькулятор.

– Чего нести?

– Калькулятор! – крикнул Вадим. Женщина, пожав плечами, закрыла окно. – Сейчас все подсчитаем, прикинем, взвесим… и будет тип-топ. Спешка в этом деле, сам понимаешь, только кур смешить.

Женщина, одетая в халат и домашние тапочки, подошла к Вадиму и подала калькулятор. На вопрос зачем он ему понадобился, Буряков только махнул рукой. Не мешай, мол, потом объясню. Зинаида отправилась обратно в дом.

– Погляди какая, а! – расплылся в улыбке Вадим, поглядывая на удаляющуюся женскую фигуру. – Кровь с молоком. Все при себе. Стоит лишь бровь поднять, и она уже знает, что тебе нужно. Во какая! Не баба, а золото… На рынке познакомились. Теперь живем вместе. Женюсь, наверное.

Пока Вадим подсчитывал книги, Носик припомнил, что девиц за последнее время сосед сменил немало. Были и дерзкие, и молчаливые, худые и полные. Всякие были. Правда, рядом с ними соседушка вел себя как-то более-менее скромно. Не буйствовал. Видать, прекрасный пол умел угодить озорной душе Вадима, раз даже пьяным он не пытался скандалить. Хулиганил лишь когда оставался один. По какой причине не ладилась его личная жизнь, Аркадию известно не было.

– Ита-ак! Что мы имеем? – воскликнул Буряков. – Триста двадцать четыре книги. Умножаем на пятьдесят, так? Так. Получается? – Вадим даже присвистнул. – Шестнадцать двести.

– Сколько? – поднял брови Аркадий. – Н-да… Немалая сумма.

– Ну а ты как хотел? Нынче все дорого. Так и быть. Двести рублей скину по-соседски. Но ни копейкой больше. Смотри сам, коль потянешь ношу, то по рукам. Ежели обхитрить вздумаешь!.. Не советую со мной шутить.

– Деньги будут, – заверил Носик.

– Вот и славно.

Аркадий поспешил к себе в квартиру. Нет, таких денег у него не было. Да и откуда они могли взяться с его маленькой пенсией. На те гроши, что получал от государства за трудовой вклад в развитие страны в рабочие годы, можно было лишь скромно существовать. Не более. И все же Носик умудрялся откладывать, экономя каждую копейку на черный день, самую малость. Но и этих денег было немного. Аркадий достал из серванта завернутый в платок старый кожаный кошелек, развязал зубами узел, вынул деньги и с волнением пересчитал. Семь тысяч. Носик присел на край дивана. Где брать недостающую сумму, он не знал. Даже если пройтись по знакомым и спросить самую малость в долг, не хватит. Это не десять и не пятнадцать лет назад, когда все его старые приятели были при работе и могли выручить рублем. Он и сам выручал не раз. Теперь многих уже нет. А те, кто еще ходит по земле-матушке, то, как и он, держатся от пенсии к пенсии, ругая правительство и ненавидя старость. Нет, не позволит совесть попросить у них в долг.

Сжимая в кулаке деньги, Аркадий вышел из квартиры. На скамье, охраняя книги, сидела Зинаида.

– А где Вадим?

Женщина позвала Бурякова. Из окна показался Вадим.

– Тебя спрашивают! – не скрывая недовольствия, крикнула она.

– Принес? – спросил Вадим, уминая при этом котлету. Аркадий показал деньги. – Щас спущусь.

Потирая жирные губы, Буряков вышел из подъезда. Было видно, что уже принял на грудь. Глаза блестели, и улыбка стала острой, нехорошей.

– Ну, чего там у тебя? Показывай.

– Вот, – и Носик протянул деньги. – Больше нету.

– Ты, старый, шутить вздумал? – озлобился сосед. – Я тебе что говорил? Уговор на сколько был?

– Правда, больше нет.

– Уговор, спрашиваю, на сколько был?

– Нету больше. Честное слово. Не воровать же идти…

– А хоть бы и так!

– Будь человеком. Я же отдам. Обещаю.

– Человеком? – Вадим расплылся в улыбке. – Какой же я человек, когда ты давно меня сволочью окрестил. Али забыл?.. Дал слово, так держи его. Землю рой, но найди. Или в книгах об этом не пишут? – направляясь обратно в дом, Буряков добавил. – По пустякам не тревожь. Не в том настроении сейчас.

Аркадий поникшим взглядом глядел на закрывшуюся за Вадимом железная дверь. Где брать деньги, он не знал. Носик еще раз посмотрел на книги, и в глазах блеснули слезы. Хотелось выругать этого огромного и черствого человека всеми нехорошими словами. Ведь нельзя же быть таким. Нельзя.

– Чего думаешь? – обратилась к нему Зинаида. – Стоит, глазами водит. Долго мне прикажешь здесь сидеть?

Носик посмотрел на женщину и, ничего не ответив, направился к подъезду. Была маленькая надежда занять у соседа этажом выше. Тот работал учителем, и Аркадий иногда захаживал к нему вечером скоротать время. За чашкой чая играли партийку-другую в шахматы. Жил он один. Вот ведь тоже… Кто-то пьет водку, дебоширит и нравится женщинам. Другой детишек учит, скромный, воспитанный и один-одинешенек, как в поле береза. Полна жизнь несправедливости. И то правда.

Учитель занял три тысячи. На большее Аркадий не рассчитывал. Был благодарен и этому. Расхаживая по квартире, Носик всеми силами пытался что-нибудь придумать, но ничего не лезло в голову. Спросить у детей? Нет. Они, конечно, могут дать, но кто знает, какой ценой обойдутся эти деньги? Будут нужны самим, не скажут. Этого позволить себе Аркадий не мог. Все что угодно, но только не впутывать детей. Поговорить вновь с Вадимом? Больше половины уже собрано. Но, припомнив последние его слова, выкинул из головы и эту идею. Чего доброго, и впрямь дурное совершит. И откуда столько ненависти в людях? Чего не хватает? Крыша над головой имеется, брюхо не голодает, руки-ноги при себе… живи, трудись, радуйся жизни. Не умеем дорожить ценностями которые имеем, культурой, словом, что оставили нам наши предки. Готовы уничтожить, сжечь до последнего клочка бумаги как последние варвары все, что годами передавалось из поколения в поколение. Гордимся своей необразованностью. Радуемся деградации…

Когда Аркадий вышел во двор, на скамье его поджидал Вадим. Носик вынул из кармана деньги и протянул соседу. Буряков облизнув большой палец правой ладони, быстро пересчитал купюры. Шестнадцать двести. Ровно.

– Это совсем другое дело, – улыбнулся тот. – Вопросов больше не имею. Забирай товар.

И, пошатываясь, Буряков не спеша пошагал в сторону магазина. Аркадий, присев на скамью смотрел на книги, которые нужно было перенести в квартиру…

Утром на этой самой скамье сидели две женщины.

– Из сорок седьмой, небольшого роста еще. Носик фамилия. Поняла о ком? – завела беседу одна. – Приходил вчера во второй половине дня. Телевизор предлагал. Сын купил. А чего? Почти новый. Тот на него столько лет копил и отдал в пять раз дешевле… Мой-то совсем барахлил.

– Да ты что?

– Да-да. Заберите, говорит, деньги срочно нужны. И на что нужны, знаешь? Так вот, слушай дальше. Из тридцать девятой, значит, Филипыча сын хотел книги выбросить. А этот у него купил их. Все!

– Все?

– До единой. Свои деньги потратил. Да назанимал сколько! Чудак-человек.

– Жалко, если умом тронулся.

– Жалко, конечно. Но… Кто от этого застрахован? Годы. Годы…

И обе перевели взгляд на окна квартиры, в которой проживал Аркадий Носик.

СВИСТУНЫ

На берегу реки со смешным названьем Кривая Лука сидели трое и рыбачили. Вернее, рыбачил один. Двое других, забросив удочки и не насладившись клевом, махнули рукой и, расположившись поудобнее на траве, завели разговор. Рядом стояла банка самогона. На расстеленной газете лежала закуска. Ломоть ржаного хлеба, лук с огурцами да килька в томате. Чем больше друзья принимали на грудь, тем интересней и несерьезней становилась их беседа.

– Нет, Саша. Рыбу давно изловили сетями. Так что накрылась рыбалочка медным тазом. Уж поверь мне. Нет того азарта, как раньше, понимаешь? Нет. Потому и душа не лежит на это дело. Совсем не лежит, – промолвил Данила. Крепкий на вид парень со смешными веснушками у носа. – Раньше как было? Забросил удочку и только успевай вылавливать. Рыба сама на берег выпрыгивала. Прямо в руки. На голый крючок хватала. Как щас помню.

– Да ну.

– Вот тебе и ну, – заверил Данила. – Гонится, скажем, щука за плотвой, а та не будь дурой у самого берега молниеносно в сторону. И весь фокус. Плотва дальше себе поплыла по делам своим рыбьим, а щука верх брюхом под солнышком трепыхается. Иной раз и удочку не берешь. Надумаешь порыбачить, прихватишь корзину, что побольше, и не спеша вдоль берега идешь себе вразвалочку. Рыбы кругом… так и лежат друг на дружке. Бери любую. Не ленись. Вот и собираешь, дуреху эдакую, словно грибы по осени… Что значит рыба в реке водилась. Не то что нынче.

– Ты погляди-ка, – дивился Сашка.

– Вот и я про тоже, – соглашался Данила.

Степан, мужчина средних лет, с густыми рыжими усами, в который раз перебрасывая удочку, по привычке хмурил бровь. Клева не было.

– Не надоело еще отсебятину нести? – крикнул он не оборачиваясь. – Так и знал, что рыбачить не будете. Так и знал.

– А ты не слушай, коли не по душе. Никто не заставляет, – сказал Данила и взял банку. – Подходи, накатим по маленькой.

Степан не противился. Опрокинуть по маленькой он завсегда был готов. Только предложи. Чокнется со всеми стаканом, быстро выпьет и, громко вбирая носом воздух, шевеля усами, надкусит лук.

– Хороша, чертовка! – расплывутся в улыбке у Степана щеки.

– Кузьминична другую не гонит. Молодец баба, – согласится Сашка.

– Это что! – задирал нос Данила. – Вот раньше гнали так гнали. А-а!.. Тройного перегона. Чистая, как слеза младенца. И градус держит. Опрокинешь грамм сто, и глаза в кучу. О как.

– Ты опять за свое? – бубнил Степан. – Неугомонная тетеря.

– Как есть, так и говорю. Зачем мне врать? – упирался Данила. – Технику самогоном заправляли. И ведь ехала. Ты, Степан, не знаешь. Не застал. А батя, царство ему небесное, сказывал. Едешь, бывало, из города. Осталось совсем ничего, а бензин на исходе. И канистры с собой нет. Зато самогон под рукой. Это как всегда. Зальешь в бак. Попыхтит немного, старушка, порычит и поехала дальше. А так… оставляй машину, либо ночуй, братец, средь полей… Что значит самогон был. Не то что сейчас. Вода одна.

– Ишь ты как, – доверчиво кивал Сашка. – В советское время халтуры не было. Даже в этом деле.

Степан, не желая спорить, шел к удочкам. Вынимал. Менял червя. Солнце играло на воде. Где-то в траве, если хорошенько прислушаться, стрекотали кузнечики. Приятный выдался день.

– Хо-ро-шо! – пропел Данила и расстегнул рубаху. – Припекает малость, правда, а так… Хорошо.

– Зато комаров нет, – подметил Сашка.

– Хм. Комаров… Да разве нынче комары? Тьфу. Перхоть одна. Ты у нас второй год живешь…

– Третий, – подправил Сашка.

– Не одна собака разница, – улыбнулся Данила. – Это сейчас комарики да на воздушном шарике. Безобидные букашки. Только писком своим и умеют донимать. А возьми лет двадцать тому назад? Звери, а не комары. Слава богу, извелась нечисть такая. А то… Вечерами, бывало, на улицу нос не кажешь. Выбежишь на крыльцо покурить, а тебе в лицо будто рой пчелиный. Аж с ног валят. Искусают всего за считаную секунду… А скотины сколько погубили.

– Да?

– О!.. Неведомое количество.

– Ты гляди-ка, – хлопал глазами Сашка.

– Не успеет пастух вовремя стадо пригнать в деревню, все – кирдык! Голов десять лишился. Облепят бедолагу от ушей до хвоста, что без слез не взглянешь. А корова что? Она не человек. У ней рук и ног нет. Понимаешь? Далеко на копытах не убежишь, хвостом не отмашешься. А их в вечернюю пору дьяволят мелких тьма. И комарье, и буты, и мошка… В глаза, в ноздри, в рот лезут. Так и норовят побольнее укусить. Заберутся в уши и давай изнутри поедать. Глядишь, легла чья-то Буренка. Копытами о землю бьет и так жалобно стонет, аж сердце кровью обливается. Страшное зрелище.

– Ты прекратишь ахинею нести? – не выдерживает Степан. – Битый час городишь не пойми чего.

– Зачем бранишься? Виноват ли я, что у тебя рыба не клюет, – удивляется Данила. – Так всегда. Чуть что не получается – враз виноватых ищем. Надуемся, как арбуз и света белого не видим. Все кругом плохие. Так ведь?.. Та-ак. Дядю Данилу не обманешь. Он вас насквозь, умников, видит. Чего, скажи на милость, нос воротишь? Взял бы да и сам рассказал какую-нибудь историю. Годков на десять постарше будешь. Все больше нашего знаешь… Степан!

– Чего тебе? – Степан не оборачивается.

– Расскажи что-нибудь. Удиви нас, – просит Данила.

– Отстань.

– Не будь цаплей. Проще жить надо. Проще. Ну… Степан!

– Отстань, говорю.

– Как знаешь. Разговор поддержать не каждый может. И то верно, – кивает Данила. – Иной начнет рассказывать, и не дослушаешь. Скучно. Неинтересно. Раздражает прям. Хоть и правильно говорит, а не то. Нет азарта, с каким нужно вести диалог. Искорки нет. Понимаете? А другой хоть и сказки сказывает, да так складно, что заслушаешься. И не разберешь, где вымысел, а где правда. Так что, Степа, не научился вовремя красиво говорить, уди рыбу молча. Так спокойнее.

Настала тишина. Данила, распластавшись на траве, прищурившись и задрав подбородок к небу, наслаждался теплыми лучами солнца. Степан по-прежнему сидел с удочкой один и серчал на то, что за все это время так ни разу не клюнуло, а доносившаяся до его слуха чепуха окончательно испортила настроение. Даже самогон не радовал.

– У вас леса реденькие. Можно сказать, совсем нет, – нарушил молчание Сашка. – В моих краях, откуда я родом, леса густые. Как у Чапаева усы. Не знамши, заблудишься и сгинешь в одночасье. Как пить дать. Бывало, идешь с братом осенью по грибы, запрокинешь голову, а на деревьях белки висят.

– То есть как висят? – привстал на правый локоть Данила. – Не пойму тебя никак что-то.

– Повесились.

– Да брось ты, – удивился Данила. – Такое разве бывает?

– Бывает. Всякое бывает, – поклялся Сашка. – Белки еще тот суицидный народ. Чуть что не по-ихнему – сразу лапы на себя накладывают. Ранимые зверьки.

– Никогда бы не подумал.

– Трудно поверить. Но факт остается фактом. Зрению пока что я привык доверять, – сказал Сашка. – Всем известно, что белки заготавливают запасы на зиму. Прячут в укромное место орехи… и прочее. Но случается и такое, что беличью кладовую находят. Заяц, либо мышь, или еще какой зверек. Опустошат до последнего зернышка. И усом не поведут. А уже осень. Зима на носу. Не успеет белка, если и захочет даже, заготовить новые запасы. А впереди лютые морозы, голод, мучительная неминуемая смерть. Впадет белочка в отчаянье, подберет подходящее деревце с ветвями, как рогатины, и удушится на этой самой рогатке.

– Интересно кошки мяукают, – не без удивления произнес Данила.

– Жизнь вообще непредсказуемая штука, – согласился Сашка. – Подводный и лесной мир по сей день до конца не изучен человеком. А животные… Иной раз такое отчебучат, что не поддается ни одному закону физики… Забавный случай был у нас лет пятнадцать тому назад. Один тип по имени Иван приручил вороненка. Да не только приручил, а выучил еще разговаривать. Человеческим голосом. Как тебе, а?.. И что ты думаешь? Однажды этот самый ворон при неизвестных обстоятельствах вырвался на волю. Неподалеку был овощной рынок. И пернатая хитрюга намылилась туда. Торговала на том рынке женщина вишней. Так вот, этот ворон (а надо признать, что он был немалого размера, откормил его Иван на славу) взлетел на стол и как закричит во все воронье горло: «Тетя, дай ягоду!» Бедняжка чуть со стула не упала. А ворон опять за свое: «Дай ягоду! Не будь жадиной». Народ, что ютился поблизости, тут же окружил говорящую птицу. Всем интересно, весело. Только женщине не до шуток. Собой загораживает вишню и кричит: «Граждане, чей ворон?» Появился Иван. Заприметил ворон хозяина и взмахнул на козырек прилавка. Пытается мужчина печеньем заманить питомца, да только

ничего у него не выходит. Не поддается птица на уговоры. «Что же ты, братец, кормильца своего не признал? Ай-яй-яй. Это же я, Ваня». А ворон ему в ответ: «Ваня, Ваня… Голова баранья». Народ в смех. Иван по сторонам глазами водит, а сделать ничего не может. «Ну-ну, – говорит. – Попадись только в руки, живьем в бульоне сварю, гада».

– Научил на свою голову, – смеется Данила.

– И ведь кого научил! Ворона. Человечьим языком. Н-да. Вот тебе и блины с пирогами. Всякое в жизни происходит, – вымолвил Сашка. – А то еще случай расскажу. Отмечали мы как-то мой день рождения в лесу. Естественно, подвыпили. И хорошенько подвыпили. Да так, что один из приятелей оставил гитару. И отправились мы на другой день с ним искать пропажу. Пробираемся кое-как сквозь поваленные деревья и колючий кустарник, выходим на поляну, и что ты думаешь?.. Сидит на пне медведь, закинув лапу на лапу, и пытается играть на гитаре. А! Как тебе? Это же уму непостижимо. Ладно там по струнам лапой водит, бог с ним. Так ведь нет – сидит на пне с гитарой да вдобавок еще ногу на ногу забросил… Феноменально.

– И этот туда же, – с негодованием ухмылялся Степан. Никто уже давно не обращал на его мрачный вид внимания. – Свистуны… Одним словом. Свистуны!

Сердясь на приятелей, Степан понять не мог одного. Неужели они взаправду верят всему тому, о чем говорят? Слушают друг дружку затаив дыхание. Не перебивают. А по заключении рассказа дивятся, как малые дети, раскрыв рот. Чуть ли за щеку не хватаются и не качают головой. Мол, это же надо… Боже мой!

– Про животных и у нас интересная история имеется, – ожил Данила. – Матвею Лисицыну, бывшему завгару, баню новую козел помог поставить.

– Как баню? Настоящий козел? С рогами?

– Настоящий. И с настоящими рогами, – обрадовался Данила, что с первых же слов заинтриговал друга. – Баньку Матвей давно собирался поменять. Старую разобрать на дрова да поставить новую. Во всей красе. Только вот руки не доходили. С каждым разом откладывал на потом. А надо сказать, что научил он козла курить. Сам курит и козлу дает затянуться. Весело ему, что тот дым через ноздри выпускает да ушами шевелит. То поросенка к пиву приучит, то вот козла курить научил. Экспериментатор, да и только, – улыбается Данила. – После мужикам рассказывал, как дело было. Только, значит, прикурил сигарету, как жена в избу позвала. Бросил на землю, а потушить забыл… Гляжу, говорит, в окно, а с окурком моим козел по двору расхаживает. Бросился во двор, нет козла нигде. Затем вижу – сарай горит. И козел из него выбегает. Ну, думаю, дрянь рогатая, доберусь и до тебя. Кинулся сарай тушить, да не тут-то было. Вспыхнул как спичка, а следом за ним и баня, что стояла рядом. Пока пожарных ждали – обе постройки долой... Но худа без добра не бывает. Тем же летом баню новую поставил. Никуда не денешься, мыться где-то надо.

– А с козлом чего? Наказали?

– На мясо пустили.

– Зря. Животное не виновато.

– Не нам с тобой судить, – повел бровью Данила.

Наступило очередное молчание. Каждый пытался вспомнить или, может быть, даже выдумать такую историю, чтобы еще больше удивить приятеля. Тишину нарушил Степан.

– А известно ли вам, господа-товарищи, отчего у нашей реки такое необычное название? Кривая Лука.

Мужики оглянулись. Никто не знал. Данила еще что-то пытался сказать, но так быстро на ум ему ничего не шло, оттого он только мычал, как молодой теленок, и нелепо пожимал плечами. Сашка даже не пытался. Места эти он совсем не знал.

– Эх, братцы-кролики, все-то вы знаете, да только не то, – улыбнулся в кои веки Степан. Сумел все же и он обратить на себя внимание. – А дело было так. Давным-давно в наших краях жил-поживал один барин. Звали его Лука. И до того этот барин был жадным, что день и ночь трудились на него мужики не покладая рук. Лишнюю копеечку не заплатит и честно заработанного не даст. Тут урежет да там откусит. Лишь бы не платить. Как только приближался день расчета, становился Лука злее черта. Посмотреть было боязно, не то чтобы заговорить с ним в такую минуту. Только и знал, что расхаживал по своим владениям и подсчитывал каждое деревце да каждый куст, что давали плоды. Переживал, кабы кто не обхитрил его и лишнего не урвал. Следил за каждым тщательно и спуску никому не давал. Хоть и был он скрягой редкостной, но на себя любимого денег не жалел. Баловал как только мог. Ходил в золоте, кушал заморскую черную икру и велел простому крестьянскому народу обращаться к нему, никак не иначе, как Ваше Величество. В саду почетное место занимала скульптура, где барин был изображен во всей красе. Даже речушку, неказистую, казалось бы, и махонькую, что текла через его владения, переименовал своим именем.

Степан замолчал. Было очевидно – рассказ недосказан.

– Ну? – спросил Данила.

– Что «ну»? – Степан перебросил удочку.

– Отчего к названию реки слово «Кривая» прибавилось? – пояснил Сашка.

– Ах, вы про это! Ну, слушайте дальше, – Степан продолжил. – И работал у барина честно и здраво, не жалея сил своих, один юноша. Но и его хитрая натура хозяина не обошла стороной. Обманул Лука бедолагу и усом не повел. Заплатил за изнурительный труд сущие гроши. И решил тогда юноша проучить жадного барина. На все сбережения, что имелись у него и его сестер, купил он себе костюм с цилиндром и даже трость. Заприметил Лука нарядного юношу и поспешил разведать у него, на какие-такие денежки он все это приобрел. Неужели где что своровал, а он не заметил. «Нет, Ваше Величество, – ответил ему парень. – За мои труды вы вознаградили меня честно и справедливо. О большем я не могу и мечтать. Вспомнились мне на днях слова покойного папеньки. Мол, на том берегу реки, у крутого оврага, проживали когда-то цыгане. И земля там заколдованная. И если что в нее ночью положить, то к утру вдвое прибавится. Вот я, не будь дураком, зарыл деньги, а поутру вдвое больше поимел», – радовался юноша. «Да, ты и впрямь, малый, дурак, – подумал глядя на него барин. – Разве можно об этом кому говорить. Хех». Той же ночью погрузил Лука в лодку все свое богатство, золото и драгоценности, что у него имелись. И поплыл на тот берег. Очень ему хотелось приумножить все вдвое. Только не выдержала лодка такой тяжести и посредь реки пошла ко дну. Испугался барин. Стал на помощь звать. Прибежали мужики, спасли барина, а лодка так и ушла со всем золотом на дно. В ужасе скривил барин лицо, да и тронулся умом. Так и коротал свои дни в бедности и с кривой физиономией. Реку потом какой-то шутник переименовал в Кривую Луку.

И пошло это название в простонародье. А после революции и на новых картах изменили название… Вот как людей жадность губит.

Степан вытащил удочку и положил на берег. Клева не было. Данила, хлопая глазами, признался, что слышал эту самую историю, но только запамятовал. Теперь же вспомнил. Действительно, все именно так и было.

Степан улыбнулся.

– Даже так? – сказал он. – Не хочу никого расстраивать, но все это я выдумал только что на ваших глазах.

– Как выдумал? – в один голос воскликнули приятели.

– Очень просто. Как подобное до меня выдумывали вы сами и языка не ломали. Вот и я решил приврать малость.

Наступило короткое молчание.

– Да, дружище, – расплылся в улыбке Данила. – Никогда бы не подумал. Это надо же. Хех. Тебе только книги писать.

– Видать, и в моем роду язык хорошо подвешен был, – кивнул Степан и указал на банку. – Теперь можно и выпить.

– Это завсегда пожалуйста, – обрадовался Сашка и принялся разливать.

Степан присел рядом и взял стакан. Солнышко грело. Трава и деревья радовали зеленью. Было хорошо. Приятно, пожалуй, в такую погоду выпить, ни о чем серьезном не думая. Рассказывать сказки и смеяться над небылицами.